[17] См.: Б а р а н е ц Н. Лидский замок XIV–XXI века // Архитектура и строительство. 2010. № 6. С. 18–21.

[18] См.: Какое будущее у Лидского замка? // Лідская газета [Электронный ресурс]. Ліда, 2014. Режим доступа: http://www.lidanews.by/news/r1/sp1/1856 (дата обращения: 12.09.2014).

[19] См.: Б а р а н е ц Н. Лидский замок XIV–XXI века.

[20] См.: Музей «Ружанскі палацавы комплекс Сапегаў» // Першы нацыянальны форум «Музеі Беларусі». Мінск, 2012. С. 202.

[21] См.: Концепция экспозиции западного флигеля в музее «Ружанский дворцовый комплекс Сапегов» // Научный архив Ружанского дворцового комплекса Сапегов.

[22] См.: Руины бывшего замка Сапеги с фрагментами оборонительных сооружений в д. Гольшаны. Архитектурный проект консервации с фрагментарной реставрацией и использования ИКЦ // Текущий архив ОО «Белорусский комитет “ИКОМОС”». Минск, 2012.

Поступила в редакцию 12.09.2014.

Анастасия Васильевна Новицкая – аспирантка кафедры этнологии, музеологии и истории искусств. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств Л. В. Берейшик.

УДК 94(569.4)034

Е. А. ГУРИНОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИИ ГРАФСТВА ЭДЕССКОГО

Рассматривается основание графства Эдесского, первого государства крестоносцев в Заморье. Решаются следующие вопросы: почему Бодуэн Булонский, первый франкский правитель Эдессы, принял титул графа и каким образом он легитимизировал свой новый статус? Обращается внимание на то, что в начале первого крестового похода (1096–1099) Бодуэн Булонский выступал в качестве представителя своего старшего брата Годфруа Буйонского. В феврале 1098 г. он был приглашен в Эдессу ее правителем армянином Торосом и городским советом. Бодуэн был усыновлен Торосом и стал его соправителем и наследником. После восстания в Эдессе и убийства Тороса в марте 1098 г. Бодуэн стал дукой и правителем города. К концу 1098 г., разгромив городской совет, он добился полной власти в городе и между декабрем 1098 г. и ноябрем 1099 г. основал графство Эдесское. Автор выделяет два ключевых фактора в процессе основания графства. Первый из них – это титул графа (*comes*), который Бодуэн принес с собой из Западной Европы, где накануне первого крестового похода некоторое время носил титул графа Верденского. Второй фактор – усыновление Бодуэна Торосом. Указанные факторы содействовали легитимизации власти Бодуэна в графстве и обеспечивали молодому государству статус независимого княжества (*dominium*).

Ключевые слова: крестовые походы; государства крестоносцев; первый крестовый поход; Эдесса; графство Эдесское; Бодуэн Булонский; армяне; усыновление; легитимизация; право наследования.

This article examines the establishment of the County of Edessa, the first of the Crusader states created in Outremer. The author aims at answering the following questions: Why did Baldwin of Boulogne, the first Frankish ruler of Edessa, adopt the title of count and how did he legitimize his new status? It should be noted that in the beginning of the First Crusade (1096–1099) Baldwin of Boulogne acted as a representative of his elder brother Godfrey of Bouillon. In February 1098 he arrived at Edessa being invited there by Thoros, the Armenian ruler of the city, and the city council. Baldwin was legally adopted by Thosors and became his co-ruler and successor. Then, after the uprising in Edessa in March 1098 and the murder of Thoros, Baldwin became duke and lord of the city. He was in complete power by the end of 1098, destroying the council of Edessa, and established the county of Edessa between the end of 1098 and November 1098. The author highlights two leading factors in the establishing the county. The first one is the title of count (*comes*) which Baldwin brought from Western Europe where he was count of Verdun on the eve of the First Crusade. The second one is the adoption of Baldwin by Thoros, the Armenian ruler of Edessa. These factors legitimized Baldwin’s authority in the county and granted the status of an independent principality (*dominium*) to the newly created state.

Key words: Crusades; Crusader states; First Crusade; Edessa; County of Edessa; Baldwin of Boulogne; the Armenians; adoption; legitimation; succession.

В данной статье рассматривается основание графства Эдесского, первого государства крестоносцев на Востоке[1]. В настоящее время в историографии зачастую констатируется факт образования графства Эдесского, нежели предпринимаются попытки исследовать саму проблему[2]. До сих пор не получили должного освещения вопросы выбора графского титула Бодуэном Булонским, механизма принятия этого титула и способа оформления нового статуса Бодуэна как правителя Эдессы. Они не были решены ни в работе П. Гиндлера, посвященной утверждению франков в Эдессе в 1098 г.[3], ни в работе Дж. Б. Сегала по истории города Эдессы[4], ни в специальном исследовании по истории графства Эдесского М. Амуру-Мура[5].

Следует отдельно выделить статью британского арменоведа Ч. Доусетта[6], в которой обращено внимание на связь между усыновлением Бодуэна Булонского Торосом и принятием графского титула Бодуэном. Однако, на наш взгляд, по объективным и субъективным причинам в изложении Ч. Доусетта некоторые ключевые моменты интерпретированы неверно.

1. Опираясь на фрагментарное сообщение у Анны Комниной[7], Ч. Доусетт утверждает, что к моменту прибытия в Эдессу Бодуэн не носил никаких титулов и, соответственно, получил титул графа Эдесского от Годфруа Буйонского, после того как последний был избран королем Иерусалима. Однако исследователю были недоступны издания моливдовулов Бодуэна комита (они увидели свет позже), как не был известен ему и факт ношения Бодуэном Булонским титула графа Верденского. Кроме того, как показал Я. Н. Любарский[8], хронология Анны в данном месте чрезвычайно путаная, и в действительности речь идет о событиях 1098 г. Таким образом, данный тезис Ч. Доусетта следует отвергнуть.

2. Армянин-халкидонит Торос, правитель Эдессы, рассматривал себя как независимого правителя, сохраняя при этом номинальную зависимость от Константинополя, что выражалось в обладании им ти-

тулом куропалата и дуки Эдессы. Поскольку в Византии пост дуки формально не являлся наследственным, Ч. Доусетт считал, что церемония усыновления, описанная в латинских хрониках, в действительности была церемонией крещения Бодуэна Булонского, в которой Торос выступал как крестный отец. Соответственно, идея об усыновлении была впоследствии выдумана франками для обоснования своих претензий на Эдессу. Однако исследователь не учел, что в рассматриваемый период на восточной границе Византии должности стратига, дуки и катепана постепенно становились наследственными[9]. Также непонятно, для чего Торосу нужно было крестить Бодуэна, если в это время Римско-католическая церковь и Греческая православная церковь, к которой принадлежал Торос, еще не порвали друг с другом и сохраняли евхаристическое общение.

Грамоты Бодуэна Булонского не сохранились – скорее всего, он вообще не издавал их за короткий период своего правления. Чуть лучше обстоит дело с данными нумизматики: до нас дошли монеты первых графов Эдесских[10], однако их датировка (1098–1104) не позволяет точно установить эмитента, которым мог быть как Бодуэн Булонский (1098–1100), так и его преемник Бодуэн де Бурк (1100–1119). Таким образом, в поиске ответов на поставленные вопросы исследователь вынужден опираться почти исключительно на данные нарративных источников. Последние можно разделить по степени достоверности на три основные группы: 1) сообщения очевидцев; 2) сообщения современников; 3) сообщения поздних хронистов.

Описывая Киликийскую экспедицию 1097 г., анонимный итало-нормандский участник первого крестового похода, чья хроника была составлена до 1101 г., неоднократно называет Бодуэна Булонского графом (*comes*, *comes egregius*, *mirificus comes*, *doctissimus comes*)[11]. Фуше Шартрский, капеллан Бодуэна, ушедший с ним в Эдессу, также называет его графом, но, подчеркнем, не графом Эдессы[12]. Первая редакция хроники Фуше была составлена между концом 1100/1101 – 1106 гг., когда Бодуэн был уже королем Иерусалима, но то, что хронист называет его *comes*, несомненно, связано с его прежним статусом. Немецкий хронист Эккехард из Ауры, побывавший в Заморье вместе с крестовым походом 1101 г., титулует Бодуэна *comes*[13].

В хронике Альберта Ахенского, как и у некоторых других хронистов, Бодуэн назван герцогом Эдессы (*dux*, *dux ciuitatis*, *princeps ac dux ciuitatis*, *dux et dominus ciuitatis*, *dux ciuitatis Rohas*, *dux urbis Edessae*)[14], а его владение – герцогством (*ducatus*, *Edessenus ducatus*)[15]. Будет неверно в данном случае отождествлять латинское *dux* с западноевропейским *Herzog*. *Dux* латинских хроник – калька с греческого *δούξ*. Известно, что куропалат Торос, усыновивший Бодуэна и сделавший его своим соправителем, как минимум формально занимал пост дуки Эдессы[16], и Бодуэн, унаследовавший его власть после мартовского переворота 1098 г., получил вместе с ней и титул. Рауль Каннский, писавший свою хронику в Иерусалиме между 1112–1118 гг., называет Бодуэна Булонского графом (*comes*)[17], а Эдессу – его графством (*comitatus*)[18].

Еще один современник, армянский монах Маттеос Урхаеци, неоднократно называет Бодуэна графом (*կոմս*)[19] и графом Урхи (*կոմսն Ուռհայոյ*)[20]. Впрочем, в хронике Маттеоса термин *կոմս* используется и по отношению к тем, кто никогда не носил графского титула[21]. Это говорит о том, что армянский хронист слабо различал франкскую титулатуру: в его хронике титул *կոմս* фактически используется в значении «сеньор». В хронике дамасского хрониста-современника Ибн аль-Каланиси Бодуэн Булонский фигурирует как «граф (*al-Qomis*), владетель ар-Рухи (Эдессы. – *Е. Г.*)»[22].

Наконец, Гийом Тирский, крупнейший латинский хронист крестовых походов, чья хроника была написана в 1160–80-е гг., неоднократно называет Бодуэна Булонского не только графом (*comes*, *dominus comes*)[23], но и графом Эдесским (*comes Edessanus*, *dominus comes Edessanus*, *Edessanorum comes*)[24]. То же мы находим и в хрониках поздних мусульманских хронистов, у которых Бодуэн Булонский назван графом[25].

Рассмотрим также данные сигиллографии. До наших дней дошли две печати из коллекции Г. Закоса, атрибутированные некоему Балдуину комиту. На одной из них (№ 368b) на лицевой стороне помещена сцена Благовещения и инвокация Богоматери, а на оборотной стороне – легенда «*Κύριε βοήθει Βαλδουίνῳ κόμητι*» (Господи, помоги Балдуину комиту). Другая печать (№ 368a) отличается стилистически. По мнению Г. Закоса, на ее лицевой стороне также изображена сцена Благовещения, однако инвокация четко не читается. На оборотной стороне печати читается легенда «*Κύριε βοήθει Βαλδουίνον κόμητα*»[26]. Издатель отказался от датировки и атрибуции указанных печатей, тогда как В. П. Степаненко пришел к выводу, что они относятся к периоду правления в Эдессе Бодуэна Булонского[27].

Еще одна схожая печать, происходящая из окрестностей Тарса, была издана Ж.-Кл. Шене[28]. На лицевой стороне у нее изображены апостолы Петр и Павел и помещены соответствующие инвокации, а на оборотной стороне – легенда «*Κύριε βοήθει Βαλδουίνῳ κόμητι*». Ж.-Кл. Шене датировал печать концом XI в., связав ее появление с утверждением Бодуэна в Тарсе (1097 г.). По мнению французского византиниста, несмотря на то, что печать из Тарса и печать № 368a из коллекции Г. Закоса выполнены разными буллотириями, стилистически они близки между собой и на закосовской печати также изображены апостолы Петр и Павел, а не сцена Благовещения.

Таким образом, хронисты свидетельствуют о наличии графского титула у Бодуэна, но лишь двое, из которых один современник (Маттеос Урхаеци), а другой – поздний автор (Гийом Тирский), уточняют,

что это был именно титул графа Эдесского. Это можно объяснить тем, что хронисты просто не считали нужным лишний раз подчеркивать очевидное и, называя Бодуэна графом, подразумевали, что он был графом Эдесским. С другой стороны, Бодуэн мог принести графский титул с собой из Европы и использовать его еще до прихода в Эдессу. Как известно, именно Бодуэн Булонский был наследником своего брата Годфруа Буйонского[29]. Перед отбытием в крестовый поход Годфруа полностью ликвидировал владения Арденн-Верденского дома, заложив и распродав их или же подарив церкви. В частности, графство Верден было передано епископу Рихеру Верденскому, который «передал принятое от этого герцога графство (*comitatum urbis*)… его брату Бодуэну. А этот Бодуэн, отправившись вместе с братом святым путем, вскоре после этого вернул его [епископу] (здесь и далее перевод наш. – *Е. Г.*)»[30].

Последующее использование титула *comes* Бодуэном Булонским вполне могло быть связано с его предыдущим статусом графа Верденского. Это подтверждает изданная Ж.-Кл. Шене печать, которая, по всей видимости, действительно была выгравирована осенью 1097 г. в связи с утверждением Бодуэна в Тарсе и до того, как он утвердился в Эдессе. В пользу этого свидетельствует не только место обнаружения печати, но также изображение на ее лицевой стороне апостола Павла, родиной которого, согласно новозаветной традиции, был именно Тарс Киликийский[31]. Сказанное позволяет атрибутировать печать из Тарса и печать № 368а из коллекции Г. Закоса Бодуэну Булонскому, тогда как вопрос атрибуции закосовской печати № 368b остается открытым.

Но, закрепившись в Тарсе, Бодуэн вряд ли пытался основать здесь собственное графство. Киликийская экспедиция была частью общего стратегического плана крестоносцев, продвигавшихся в Антиохию: Танкред и Бодуэн выступали в данном случае либо как представители всего войска, либо как представители Боэмунда и Годфруа соответственно[32]. После утверждения Бодуэна в Эдессе (март 1098 г.) его статус отличался определенной двойственностью. Как ставленник ишханов он был дукой Эдессы – командующим отрядом прибывших с ним франков и городским ополчением. В то же время он продолжал сохранять некую зависимость от своего брата Годфруа, о чем свидетельствует целый ряд фактов. Как указывают сирийские хронисты, в 1097 г. Бодуэн был послан в Эдессу по приказу Годфруа[33]. Во время осады Антиохии он передал Годфруа Буйонскому право распоряжаться доходами Телль Башира[34]. Летом 1098 г. по приказу Годфруа Бодуэн прибыл под Азаз во главе 3 тыс. воинов (франки и ополчение Эдессы)[35], а вскоре после этого передал Годфруа Телль Башир и Равандан, в которых тот пребывал с августа по октябрь 1098 г.[36] Наконец, когда в январе 1099 г. армия крестоносцев продолжила поход в Иерусалим, часть франков из Эдессы присоединились к ним, по всей видимости будучи вызванными приказом Годфруа Буйонского[37].

Сказанное позволяет заключить, что с осени 1097 г. до конца 1098 г. Бодуэн действовал в Приевфратье как представитель Годфруа Буйонского, а в Эдессе как дука, поставленный ишханами города. Следовательно, в силу объективных причин он не мог принять титул графа Эдесского в этот период. Однако уже летом – осенью 1098 г. мы наблюдаем первые шаги Бодуэна по оформлению своего нового статуса как феодального сеньора Эдессы. После того как некоторые рыцари и рядовые крестоносцы, привлеченные богатствами Бодуэна, покинули Антиохию и отправились в Эдессу, численность франков под началом Бодуэна значительно увеличилась[38]. Большинство из них поступали на службу как наемники[39], однако некоторых Бодуэн приблизил к себе и стал привлекать к управлению городом, передавая им прерогативы совета двенадцати[40]. По сути, это было начало складывания *familia* будущего графа Эдесского, корпорации его придворных рыцарей.

Попытки расширить свои полномочия со стороны Бодуэна вызвали недовольство и обеспокоенность ишханов, и на Рождество 1098 г. ими был составлен очередной заговор, направленный теперь уже против Бодуэна. Однако предводителю франков удалось вовремя узнать о заговоре и подавить его. Совет ишханов был жестоко разгромлен[41]; если он и сумел возобновить свою деятельность в дальнейшем, то только под контролем графа[42]. А вскоре главное войско крестоносцев покинуло Антиохию, продолжив поход, и Бодуэн получил реальную возможность для изменения своего статуса правителя Эдессы.

Таким образом, мы можем установить *terminus post quem* принятия Бодуэном титула графа Эдесского. В отношении *terminus ante quem* также можно высказать некоторые соображения. Несомненно, Бодуэн носил титул графа Эдесского в 1100 г., когда, будучи призванным в Иерусалим после смерти Годфруа Буйонского, он передал Эдессу *in beneficio* своему родственнику Бодуэну де Бурку[43]. Как полагает В. П. Степаненко, юридическое оформление графства Эдесского состоялось в период между 26 и 31 декабря 1099 г., когда папский легат Даиберт, избранный патриархом Иерусалима, инфеодировал Боэмунду Тарентскому и Бодуэну Булонскому Антиохию и Эдессу соответственно[44]. Источником в данном случае послужила хроника Гийома Тирского, в которой говорится, что после избрания Даиберта патриархом Иерусалимским «как сеньор герцог Годфруа, так и сеньор князь Боэмунд смиренно приняли от него инвеституру (*susceperunt investituram*), первый – королевства, а второй – княжества»[45]. В данном случае Гийом черпал информацию у Фуше Шартрского, который пишет, что Годфруа и Боэмунд «получили свою землю от патриарха Даиберта из-за любви Божьей»[46].

Как видим, даже если оставить в стороне вопрос о том, какой смысл вкладывала в эту церемонию каждая из участвовавших в ней сторон и что в действительности она означала для них – инвеституру или помазание[47], ясно одно: Бодуэн Булонский не принял в ней участия. Кл. Каэн трактовал последнее

обстоятельство как свидетельство признания недавними крестоносцами законности власти Бодуэна в Эдессе[48]. Следует согласиться с выводами французского ориенталиста и признать ноябрь 1099 г. (время отправления Бодуэна в Иерусалим) *terminus ante quem* принятия им титула графа Эдессы.

Новый статус Бодуэна и, соответственно, его новый титул призваны были решить сразу несколько задач. Они повышали престиж своего носителя, который из командира городского ополчения становился полновластным сеньором. К тому же отказ от «византийской идентичности» Тороса уменьшал притязания Константинополя на верховенство над Эдессой. Вместе с тем титул графа Эдесского не мог появиться из ниоткуда. Если мы обратимся к аналогичным случаям территориальных приобретений, то увидим, что пришельцы, подобные франкам в Эдессе, всегда стремились обосновать свою власть на новом месте. Так, нормандцы, пришедшие в Южную Италию в XI в., легитимизировали каждое новое свое приобретение принятием соответствующего титула, принося клятву верности германскому императору или папе[49].

Точно так же в случае с Бодуэном – соответствующим образом оформить приобретение им Эдессы мог лишь некий носитель высокой светской или духовной власти: папа, император или василевс, некий монарх. Однако какие-либо свидетельства в пользу этого отсутствуют. Бодуэн не прибегал ни к покровительству папы в лице его легата, как это сделали Годфруа и Боэмунд, ни к покровительству василевса ромеев.

Причину такого положения вещей мы склонны усматривать в самом механизме передачи Бодуэну власти над Эдессой. Он не получал ее ни по праву победителя, ни в качестве феода; как известно, Бодуэн был усыновлен Торосом[50], в силу чего стал сначала его соправителем, а затем и единоличным правителем Эдессы. Латинские хронисты отнюдь не случайно подчеркивают этот момент в своих сочинениях: для них он является самым главным аргументом в пользу легитимности власти Бодуэна. Фуше Шартрский указывает, что, согласно договору между Бодуэном, с одной стороны, и ишханами и Торосом – с другой, в случае смерти своего приемного отца Бодуэн получал «навсегда город и всю его землю в наследство, как если бы он был его сыном (*ac si filius esset illius*)»[51]. Похожие объяснения предлагают и другие хронисты: в их понимании Бодуэн получает Эдессу «благодаря усыновлению (*ex adoptione*)»[52], посредством которого Торос «принял его в сыновья и наследники (*in filium et haeredem adoptaverat*)»[53] и «передал [ему] свой город (*urbem suam tradidit*)»[54]. Сам Бодуэн был знаком с подобной практикой не понаслышке. Его родной брат Годфруа Буйонский сделался герцогом Нижней Лотарингии, будучи усыновленным: их бездетный дядя Готфрид III Горбатый (1069–1076) «принял одноименного племянника к себе в сыновья и назначил его наследником всего своего наследства (*in filium suum adoptavit*, *eumque universi patrimonii sui haeredem constituit*)»[55].

Таким образом, основание графства Эдесского произошло в результате синтеза армянских практик установления родства и западноевропейской титулатуры. Прибыв в Заморье вместе со своим братом Годфруа Буйонским, Бодуэн первоначально действовал как его представитель. После призвания в Эдессу и усыновления куропалатом Торосом Бодуэн стал его соправителем и наследником как дука Эдессы. К концу 1098 г. он сумел подавить оппозицию совета ишханов и окончательно упрочить свою власть в Эдессе. Чтобы соответствующим образом оформить эту власть, Бодуэн в период между декабрем 1098 г. и ноябрем 1099 г. провозгласил себя графом Эдесским. Выбор титула в данном случае определялся тем фактом, что накануне первого крестового похода Бодуэн непродолжительное время носил титул графа Верденского. Печать из Тарса и печать № 368а из коллекции Г. Закоса показывают, что, формально утратив титул к 1097 г., Бодуэн продолжал идентифицировать себя с ним. Нужно сказать, что аналогичным образом поступали и прочие предводители крестоносцев. К примеру, утвердившись в Антиохии, Боэмунд Тарентский взял себе титул *princeps*, распространенный в Южной Италии как при лангобардах, так и при нормандцах[56], а Годфруа Буйонский принял титул защитника (*advocatus*) Гроба Господня, по всей видимости, под влиянием того, что в роду сеньоров Буйона передавался по наследству титул *advocatus* монастыря св. Губерта в Арденнском лесу[57]. Разница между ними и Бодуэном заключается лишь в том, что последний не прибегал к помощи церкви для «освящения» своего нового статуса. Наследственный характер власти Бодуэна как приемного сына Тороса освобождал его от каких-либо дополнительных действий по легитимизации. По аналогии с Западной Европой графство Эдесское рассматривалось им как домен, перешедший к нему по наследству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Amouroux-Mourad M. Le Comté d'Edesse, 1098–1150. Paris, 1988 ; Segal J. B. Edessa: «The Blessed City». Oxford, 1970. P. 225–255.

[2] См.: Степаненко В. П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071–1176). Свердловск, 1988. С. 48–49 ; Его же. «Совет двенадцати ишханов» и Бодуэн Фландрский. К сущности переворота в Эдессе (март 1098 г.) // АДСВ. 1985. С. 82–92 ; Dédéyan G. Les Arméniens entre Grecs, musulmans et croisés. Étude sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150). Lisbonne, 2003. T. 2. P. 986–1044 ; Gindler P. Graf Balduin I. von Edessa. Halle, 1901; Laurent J. Des Grecs aux Croisés. Étude sur l'histoire d'Édesse entre 1071 et 1098 // Byzantion. 1924. T. 1. P. 367–449.

[3] См.: Gindler P. Graf Balduin I. von Edessa. Halle, 1901.

[4] См.: Segal J. B. Edessa: «The Blessed City». Oxford, 1970.

[5] См.: Amouroux-Mourad M. Op. cit.

[6] См.: Dowsett C. J. F. A Twelfth-century Armenian Inscription at Edessa // Iran and Islam: In memory of the late Vladimir Minorsky / ed. C. E. Bosworth. Edinburgh, 1971. P. 197–227.

[7] См.: Annae Comnenae Porphyrogenitae Alexias / ex rec. A. Reifferscheidii. Lipsiae, 1884. Vol. 2. P. 125.

[8] См.: Любарский Я. Н. Замечания к хронологии XI книги «Алексиады» Анны Комниной // ВВ. 1968. Т. 23. С. 48.

[9] См.: Dédéyan G. Les Arméniens entre Grecs, musulmans et croisés... P. 1003–1007.

[10] См.: Malloy A. G., Preston I. F., Seltman A. J. Coins of the Crusader States, 1098–1291 / ed. A. G. Berman. New York, 1994. № 2. P. 364, 388, 410.

[11] См.: Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum / hrsg. H. Hagenmeyer. Heidelberg, 1890. S. 216, 219, 222, 223.

[12] См.: Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana (1095–1127) / hrsg. H. Hagenmeyer. Heidelberg, 1913. S. 206, 335, 357.

[13] См.: Ekkehardi abbatis Uraugiensis Hierosolymita // RHC. Occ. Paris, 1879. T. 5. P. 27.

[14] См.: Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana: History of the Journey to Jerusalem / ed. and transl. S. B. Edgington. Oxford, 2007. P. 176, 178, 262, 356, 358, 360, 524, 528, 534 ; Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana… S. 347 ; Guiberti abbatis Sanctae Mariae Novigenti Historia quae inscribitur Dei gesta per Francos quinque accedentibus appendicibus / ed. R. B. C. Huygens. Turnhout, 1996. P. 164 ; Orderici Vitalis Historiæ ecclesiasticæ libri tredecem / ed. A. Le Prevost. Paris, 1845. T. 3. P. 570.

[15] См.: Guiberti abbatis Sanctae Mariae Novigenti Historia... P. 163–165 ; Orderici Vitalis Historiæ ecclesiasticæ libri tredecem. P. 568, 570.

[16] См.: Dédéyan G. Les Arméniens entre Grecs, musulmans et croisés... P. 991–993.

[17] См.: Radulphi Cadomensis Tancredus / Cura et studio Edoardo D'Angelo. Turnhout, 2011. P. 42, 124.

[18] См.: Radulphi Cadomensis Tancredus. P. 118.

[19] См.: Պատմութիւն Մատթէոսի Ուռհայեցւոյ. Յերուսաղէմ, 1869. Էջ 316–319.

[20] См.: Պատմութիւն Մատթէոսի Ուռհայեցւոյ... Էջ 334.

[21] См.: Պատմութիւն Մատթէոսի Ուռհայեցւոյ... Էջ 336, 349, 353, 363, 365, 368, 378, 382, 386, 387, 401–403, 405, 409, 419–420, 422, 428–431, 441, 445, 448–449, 450, 455, 461.

[22] Ibn al-Qalanisi. The Damascus Chronicle of the Crusades / transl. H. A. R. Gibb. London, 1932. P. 51.

[23] См.: Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon / ed. R. B. C. Huygens. Turnhout, 1986. P. 349, 350–351, 448, 455, 458, 459–462, 463.

[24] См.: Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon. P. 346, 349, 420, 438, 453, 458.

[25] См.: Камал ад-дин. Сливки, снятые с истории Халеба / пер. Л. А. Семеновой // Семенова Л. А. Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. М., 1990. С. 126, 130 ; The Chronicle of Ibn Al-Athīr for the Crusading Period from al-Kāmil fī'l-Ta'rīkh / transl. D. S. Richards. Aldershot, 2006. Pt. 1. P. 16.

[26] См.: Zacos G., Véglery A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1984. Vol. 2, № 368a-b. P. 213. Pl. 39.

[27] См.: Степаненко В. П. Византия в международных отношениях… С. 48.

[28] См.: Cheynet J.-Cl. Sceaux byzantins des musées d'Antioche et de Tarse // Travaux et Mémoires. 1994. № 12. P. 428–429. Pl. 6, № 61.

[29] См.: Murray A. V. Daimbert of Pisa, the *Domus Godefridi* and the Accession of Baldwin I of Jerusalem // From Clermont to Jerusalem: The Crusades and Crusader Societies, 1095–1500 / ed. A. V. Murray. Turnhout, 1998. P. 81–102 ; Idem. Monarchy and Nobility in the Latin Kingdom of Jerusalem, 1099–1131: Establishment and Origins. PhD Thesis. University of St. Andrews, 1988. P. 25–30.

[30] Laurentii de Leodio Gesta episcoporum Virdunensium et abbatum S. Vitoni // MGH. SS. Hannoverae, 1852. T. 10. P. 498 ; Andressohn J. C. The Ancestry and Life of Godfrey of Bouillon. Bloomington, 1947. P. 53 ; Gindler P. Graf Balduin I. … S. 9 ; Murray A. V. Daimbert of Pisa… P. 96.

[31] См.: *Act. Apost.* 9:11, 11:25, 21:39, 22:3 ; Guiberti abbatis Sanctae Mariae Novigenti Historia… P. 162 ; Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon… P. 222.

[32] См.: Radulphi Cadomensis Tancredus... P. 37 ; Asbridge T. S. The Creation of the Principality of Antioch, 1098–1130. Woodbridge, 2000. P. 16–18.

[33] См.: Гусейнов Р. А. Из «Хроники» Михаила Сирийца // Письменные памятники Востока. Ежегодник 1973. М., 1979. С. 32–33 ; Anonymi Auctoris Chronicon ad A. C. 1234 pertinens / trad. par A. Abouna. Louvain, 1974. P. 41 ; Dédéyan G. Les Arméniens entre Grecs, musulmans et croisés... P. 1027–1028.

[34] См.: Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana… P. 260–262.

[35] См.: Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana… P. 350.

[36] См.: Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana… P. 354–356 ; Raimundi de Aguilers, canonici Podiensis, Historia Francorum, qui ceperunt Iherusalem // RHC. Occ. Paris, 1866. T. 3. P. 262.

[37] См.: Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088–1100. Eine Quellensammlung zur Geschichte des ersten Kreuzzuges / hrsg. H. Hagenmeyer. Innsbruck, 1901. S. 170.

[38] См.: Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana… P. 344, 356 ; Guiberti abbatis Sanctae Mariae Novigenti Historia... P. 164 ; Raimundi de Aguilers, canonici Podiensis, Historia Francorum... P. 270.

[39] См.: Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana… P. 356.

[40] См.: Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana… P. 356 ; Dédéyan G. Les Arméniens entre Grecs, musulmans et croisés... P. 1041–1043.

[41] См.: Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana… P. 358–360 ; Guiberti abbatis Sanctae Mariae Novigenti Historia... P. 164–165.

[42] См.: Степаненко В. П. Граф и ишханы Эдессы (конец XI – первая половина XII в.) // АДСВ. 1988. Вып. 24. С. 74–88.

[43] См.: Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana… P. 530 ; Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana… S. 353 ; Orderici Vitalis Historiæ ecclesiasticæ libri tredecem. P. 570 ; Պատմութիւն Մատթէոսի Ուռհայեցւոյ… Էջ 334–335 ; The *Historia Vie Hierosolimitane* of Gilo of Paris and A Second, Anonymous Author / ed. and transl. C. W. Grocock, J. E. Siberry. Oxford, 1997. P. 458.

[44] См.: Степаненко В. П. Византия в международных отношениях… С. 57–58.

[45] Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon. P. 440.

[46] Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana… S. 741–742.

[47] См.: Murray A. V. Daimbert of Pisa… P. 83–84 ; Riley-Smith J. The Title of Godfrey of Bouillon // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1979. Vol. 52. P. 83–86 ; France J. The Election and Title of Godfrey de Bouillon // Cambridge Hist. J. 1983. Vol. 18, № 3. P. 321–329.

[48] См.: Cahen Cl. La Syrie du nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche. Paris, 1940. P. 223–224.

[49] См.: Blumenthal U.-R. The Investiture Controversy: Church and Monarchy from the Ninth to the Twelfth Century. Philadelphia, 1988. P. 79–84 ; Chalandon F. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907. T. 1. Passim ; Loud G. A. Southern Italy in the eleventh century // The New Cambridge Medieval History. Cambridge, 2004. Vol. 4, pt. 2. P. 102–107.

[50] См.: Ekkehardi abbatis Uraugiensis Hierosolymita... P. 27 ; The *Historia Vie Hierosolimitane*… P. 140 ; Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon. P. 236–237 ; Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana… P. 170 ; Baldrici, episcopi Dolensis, Historia Jerosolimitana // RHC. Occ. Paris, 1879. T. 4. P. 81, note 9 ; Guiberti abbatis Sanctae Mariae Novigenti Historia... P. 164 ; Карапетян Э. Т. Армянская семейная община. Ереван, 1958. С. 36–37 ; Чурсин Г. Ф. Обряд усыновления у кавказских народов // БКИАИ. 1930. Вып. 6. С. 18–19.

[51] Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana… S. 210.

[52] Guiberti abbatis Sanctae Mariae Novigenti Historia... P. 164.
[53] Ekkehardi abbatis Uraugiensis Hierosolymita. P. 27.
[54] Baldrici, episcopi Dolensis, Historia Jerosolimitana. P. 81, note 9.
[55] Chronicon sancti Huberti Andaginensis // MGH. SS. Hannoverae, 1852. T. 8. P. 590 ; Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon. P. 426 ; Andressohn J. C. The Ancestry and Life… P. 28 ; Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon. P. 175.
[56] См.: Cahen Cl. La Syrie du nord... P. 224–225 ; Yewdale R. B. Bohemond I, Prince of Antioch. Princeton, 1924. P. 29 ; Dowsett C. J. F. A Twelfth-century Armenian Inscription… P. 212 ; Asbridge T. S. The Creation of the Principality… P. 129–133.
[57] См.: France J. The Election and Title… P. 327 ; Murray A. V. Monarchy and Nobility… P. 12.

Поступила в редакцию 09.09.2014.

Евгений Александрович Гуринов – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. А. Прохоров.

УДК 323.1(477:439)(091)«1939/1944»

О. Г. КАЗАК

ПОЛОЖЕНИЕ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ В СОСТАВЕ ВЕНГРИИ (1939–1944) В ОСВЕЩЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Рассматриваются основные инструменты формирования положительного общественного мнения у населения Подкарпатской Руси относительно установления венгерской власти в регионе. Использованы как традиционные (историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, историческая ретроспекция), так и инновационные (контент-анализ и семиотический) исторические методы. Изучены результаты научно-теоретических разработок известных ученых, занимающихся исследованиями процессов национального строительства, этнической идентичности (П. Бурдье, Р. Брубейкер, Ю. Тимофеев и др.). Выделены основные характеристики официальной публицистики региона: подчеркивания исторической общности русинов и венгров; позиционирование Будапешта как защитника уникальной культуры русинов, венгерской государственности как гаранта свободы и самоуправления региона; широкая апелляция к религиозным чувствам местного населения и т. д. Установлено, что в зависимости от ситуации характер публикаций в официальной региональной прессе мог варьироваться от позиционирования официального Будапешта как защитника уникальной русинской культуры до подчеркивания культрегерской роли Венгрии в регионе.

Ключевые слова: русины; идентичность; угро-русинизм; этнокультурная инженерия.

Views the main instruments of forming positive public opinion among the population of Carpathian Ruthenia concerning establishment of the Hungarian authorities in the region. Used traditional (historical and comparative, historical and typological, historical, systematic, historical retrospection) and innovative historical (content analysis and semiotic) methods. Learned results of theoretic elaborations of processes of national building and ethnic identity (P. Burdie, R. Brubaeker, Y. Timofeev). Determinates main characteristics of official press of region, accentuations of historical solidarity of Ruthenians and Hungarians, presentation of Budapest as a defender of unique culture of Ruthenians, Hungarian authorities as a guarantor of freedom and self government, wide appeal to religion feelings of local inhabitants etc. Founded that, depending of the situation the nature of official publications of the regional press could range from a positioning of Hungarian authorities as a defender of the Ruthenian culture unique to underscore Hungary's role of kultreger in the region.

Key words: Ruthenians; identity; Ugro-rusinizm; ethnocultural engineering.

Нахождение Подкарпатской Руси в составе Чехословакии в межвоенное время открыло для местной интеллигенции довольно широкие возможности свободного выражения своих воззрений в прессе и публицистике, впрочем, при определенных преференциях Праги приверженцам проукраинских идей (особенно в 1920-е гг.). В указанный период интеллектуальные элиты региона представили на суд общественности несколько моделей идентичности местного восточнославянского населения, традиционно именовавшего себя этнонимом «русины». Русофилы трактовали русинов как самую западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана, указывали на огромный духовный потенциал русской цивилизации, к достижениям которой, по их мнению, должны приобщиться русины. Украинофилы считали местное население частью украинского народа с «неразбуженным» украинским самосознанием. Из русофильского направления постепенно выделилось русинофильское течение, считавшее русинов отдельным славянским народом, а не частью русских или украинцев[1].

Данная классификация, традиционно употребляемая в исторической литературе (в том числе не только применительно к Подкарпатской Руси), не должна рассматриваться как некая жестко структурированная модель. На типичные ошибки в этом вопросе указал известный современный русинист М. Ю. Дронов. На его взгляд, следует отказаться от примордиалистического понимания этноса, согласно которому человек обладает только одной четко заданной национальной идентичностью, исключающей все остальные. Такого во многом упрощенного подхода к трактовке национальных вопросов «явно не хватает для передачи всех переливов и оттенков взглядов конкретных персоналий. При этом отмечается тенденция обязательно отнести того или иного деятеля к одной из групп, например к русофилам или русинофилам. На практике же сделать это порой просто невозможно, так как отдельные деятели могли сочетать, например, русскую и карпато-русскую (часто приравниваемую к русинской) идентичности. Поэтому отнесение к той или иной ориентации объясняется убеждениями и симпатиями современного автора или же господствующими в обществе стереотипами»[2]. Кроме того, необходимо учитывать, что многие общественные и культурные деятели, ввиду частого изменения государственной принадлежности Подкарпатской Руси, вынуждены были корректировать свои взгляды, исходя из политических реалий. В связи с этим следует крайне внимательно относиться к анализу сложного этнокультурного ландшафта в регионе и избегать поверхностных трактовок.